

«Дом господский, а обиход сиротский»

Безрадостное детство воспитанниц Параскеевского убежища госпожи Сухановой

О БЛАГОТВОРИТЕЛЯХ прошлых столетий написано немало. Как правило, эти статьи были посвящены действительно великодушным и общественно значимым делам именитых сумчан. Однако, как показывают некоторые факты, не всегда благотворительность была со знаком плюс. Примером тому может служить история приюта для девочек-сирот, организованного Марией Сухановой.

Семья Сухановых

Конец XIX века был временем, когда благотворительность в Сумах

детей они не имели) Прасковии, умершей от чахотки в 1894 г. Это убежище было не первым подобным заведением в Сумах. Несколькоми годами ранее по инициативе Натальи Максимовны Харитоненко в городе уже был образован приют для девочек-сирот. Дмитрий Суханов в свое время пожертвовал на него 25 тыс. рублей для выдачи пособия выпускницам заведения, а Николай Суханов состоял его «почетным старшиною». Очевидно, пример супруги «сахарного короля» вдохновил на педагогическую деятельность и Марию Михайловну.

10 ноября 1895 г. министром внутренних дел И. Горемыкиным был

территории нынешней гостиницы «Химик». Хотя по описи недвижимого имущества, составленной судебным приставом Сумского окружного суда Ф. Булгаковым, площадь, занимаемая «дачей», ограничивалась Псельской улицей, Сухановским переулком (бывший - Пионерский), набережной Псла и «владениями наследников умершего Петра Михайловича Шубина и Павла Ивановича Денисенко». Упоминание Сухановского переулка несколько отдаляет место приюта от территории гостиницы. Это соответствует и замечанию краеведа М. Сергиенко, что одно из зданий владения Сухановой, сохранившееся до нашего времени, - это дом по адресу Псельская, 24а.

Основным зданием приюта служил полуторазтажный деревянный дом на каменном фундаменте, обложенный кирпичом и крытый железом. В верхнем этаже дома имелись четыре комнаты, передняя и домашняя церковь, а также два отделения в подвальном этаже. В 1898 г. в нижнем этаже на средства учредительницы было заново устроено отопление для всего дома. Рядом располагались: полуторазтажный деревянный штукатуренный дом на каменном фундаменте, каменный дом с мезонином, флигель с пекарней, кухней, подвалом и столовой для воспитанниц, два сарая, артезианский колодец с насосом и маховым колесом. Стоимость всех построек составляла 30 тыс. руб.

ее руководством собирался на совещания крайне редко, иногда по прошествии 9 месяцев, несмотря на желание его членов встречаться не реже чем раз в два месяца.

Попытки членов совета отстоять нормы устава убежища не увенчались успехом. В результате все три представителя думы не пожелали переизбираться на второй срок. Пополнившие совет новые члены оказались людьми весьма уступчивыми. Преувеличивая значение пожертвованного г-жой Сухановой капитала, они решили, что не стоит стеснять ее самостоятельных распоряжений, а потому ввели в совет ее брата - купца К. Смирнова, вопреки уставу избрали его секретарем и вывели из совета законоучителя. Возмущение о. Феофиста такими действиями привело к его открытой вражде с Сухановой. Эмоции вылились за рамки приличий и выливались в весьма некрасивые сцены выяснения отношений.

Когда беспокойство о царящих в убежище порядках охватило и гласных городской думы нового созыва, Суханова предприняла ответные меры. В марте 1899 г. она официально передала ведение всех дел, в т.ч. по Параскеевскому убежищу, К. Смирнову как своему доверенному лицу. Последний тут же затребовал от городской управы «копии за скрепой» сметы на 1897 г., составленной членами совета приюта якобы без участия председательницы, заявления

ших поведение Сухановой как проявление неуважения к городской власти.

«Старуха-процентщица»

Что же послужило яблоком раздора между властью и Сухановой? Ответ на этот вопрос кроется не столько в желании вдовы оградить свое детище от опеки со стороны, сколько в ее нежелании признать негуманное отношение к опекаемым детям. Во-первых, отдельных членов совета и думы обеспокоило состояние сметы убежища, не идущее ни в какое сравнение, к примеру, с бюджетом заведения, принадлежащего Н. Харитоненко. С самого начала существования приюта Суханова наметила тенденцию «укладываться» в сумму, не превышающую 2000-2200 руб., что обрекало воспитанниц на полуголодное существование. При этом разумные доводы членов руководства убежища о необходимости значительно увеличить сумму расходов (в смете на 1897 г. - на 1630 руб.) не принимались учредительницей во внимание. Более того, прибегая к разного рода уверткам, она стремилась обойти общее мнение совета. Например, отправку сметы 1897 г. на утверждение думы, минуя совет, Суханова объяснила невозможностью собрать его членов или их нежеланием утвердить бюджет, что было открытой ложью. Поэтому тогдашний городской голова В. Красивинский

Конец XIX века был временем, когда благотворительность в Сумах приобрела поистине массовый характер. Сумское общество старалось помогать социально-незащищенным и обездоленным собственными силами, по возможности не прибегая к государственному субсидиям. Исключительными в отношении благотворительности стали 1890-е годы. Именно тогда в Сумах была построена детская больница св. Зинаиды - одна из первых в уездных городах Украины, возникло городское Общество попечения о бедных, поставившее своей целью «искоренить нищество», и, наконец, было создано Параскевское убежище для девочек-сирот, учредителем которого стала жена Дмитрия Суханова - Мария Михайловна (в девичестве Смирнова).

Родилась она в семье купца в г. Тима Курской губернии в 1829 году. В 1851-м вышла замуж за обоянского купца 3-й гильдии Дмитрия Ивановича Суханова (1825-1890 гг.). Вскоре молодая семья переехала в Сумы, где Дмитрий Суханов вместе с Иваном Харитоненко занялся бакалейной торговлей. Несколько раз Дмитрий Иванович избирался городским головой, а также занимал ряд общественных должностей. На собственные средства он реконструировал Спасо-Преображенский собор, а также профинансировал создание при Сумском тюремном замке Александровской церкви, школы, библиотеки и благоустройство городской пожарной части. После смерти Дмитрия Ивановича семейную традицию благотворительности продолжили его супруга и племянник Николай Суханов, завершивший перестройку собора в Сумах.

Благое начинание

Известно, что первым опытом опеки над детьми-сиротами со стороны Сухановой стало содержание ею приюта для мальчиков, существовавшего до 1895 г. К сожалению, о нем практически ничего не известно, как и о решении вдовы в дальнейшем отказаться от их воспитания. Название нового приюта «Параскевское убежище» связано с именем приемной дочери Сухановых (своих

Семья Сухановых

10 ноября 1895 г. министром внутренних дел И. Горемыкиным был утвержден устав приюта, согласно которому в него принимались девочки от 6 лет (круглые сироты и незаконнорожденные; не более 20 человек). По достижении 16 лет воспитанницы устраивались в услужение, при этом руководство убежища обязывалось и в дальнейшем оказывать им «нравственную поддержку, а до приискания места - и материальную», давая помещение и стол в убежище». В объеме программы народных училищ девочки должны были изучать Закон Божий, русский язык, арифметику и чистописание. Преуспевающим в трудовой подготовке предлагалось дальнейшее обучение в специализированных мастерских. При этом оговаривалось, что «воспитание должно быть самое простое, приуроченное к условиям и потребностям местной жизни, и имеющее целью образование из воспитанниц хорошей домашней прислуги». Для выполнения этих задач девочек обязывали «принимать активное участие в хозяйственных трудах» и обучали рукоделию (пошив белья и одежды, стирка, кулинария, молочное хозяйство, уход за садом и огородом).

Заведывание убежищем вверялось особому совету в составе учредительницы, трех членов, избираемых городской думой на год, заочно учителя убежища А. Церковницкого и законоучителя Сумской Александровской гимназии протоиерея Феофиста Лашенкова. Причем за последними двумя членство в совете закреплялось пожизненно. В обязанности совета входили прием детей в убежище, попечение о воспитанницах и выпускницах, составление годовых отчетов и смет, содержание в исправности зданий, обращение от имени заведения к частным лицам и учреждениям, а также «рассмотрение всех вообще вопросов, касающихся убежища». Административный контроль за деятельностью убежища осуществляла городская дума, а педагогический - инспектор народных училищ в Сумском уезде.

Находился приют в т.н. «Сухановской даче», которая, по мнению некоторых краеведов, находилась на

Скромный колледж с кирпичной и мажорановым колесом. Стоимокъ всех построек составляла 30 тыс. руб.

На содержание приюта М. Суханова пожертвовала 50000 руб. и еще 10000 руб. - на устройство при нем церкви. Обе эти суммы были определены учредительницей на т.н. «вечный вклад» в Государственный банк. Существовало же убежище за счет процентов с него.

В целом, материальная база приюта свидетельствовала о серьезном начинании, а инициатива М. Сухановой была радушно принята общественностью. Городской голова В. Краснянский на заседании думы 30 декабря 1896 г. подытожил первый год существования убежища собственным впечатлением о недавнем его посещении: «Я нашел там 14 воспитанниц, которые своим внешним видом произвели на меня самое отрадное впечатление. Дети здоровы, веселы, накормлены, одеты, присмотрены и очень хорошо помещены. Поэтому всякий, кто знает ту среду и то положение, из которых дети поступили в убежище, неизбежно проникнется чувством самой высокой сердечной признательности учредительнице М. Сухановой и тем, кто помогает ей в святом деле спасения несчастных детей от материальной и нравственной гибели».

Разлад

Однако спустя буквально два года восторженная риторика по поводу этого убежища стала сходить на нет. Особенно из уст тех, кто знал там ситуацию не понаслышке. В качестве примера можно привести заявление прот. Феофиста Лашенкова в думу в конце 1898 г., являющееся, по сути, очерком истории убежища. Он считал, что уже первый состав совета допустил ошибку, избрав Суханову председателем. Это привело к проявлению самовольства с ее стороны. Мария Михайловна не только проигнорировала необходимость переизбрания на эту должность при повторных выборах в совет, но и самостоятельно, без уведомления директора народных училищ, назначила начальницей убежища и швей (причем первую из них, г-жу Бочарову, затем без объяснения причин отстранила от должности). Совет под

сметы на 1897 г., составленные членами совета приняты якобы без участия председательницы, заявления Лашенкова, недавно рассмотренного думой, постановления думы по данному вопросу и ряд других документов, касающихся убежища, необходимых, как утверждал проситель, «для представления на Высочайшее Имя просьбы о закрытии убежища и возмате жертвы». Но получить желаемое, Суханова в июне того же года известила городского голову В. Золотарева о том, что она повторно вступает в обязанности почетельницы и председательницы совета Параскевского убежища, новый устав которого, как выяснилось, уже утвержден министром внутренних дел.

Диктаторские полномочия

Новый устав приюта соотношение прав городской думы и его учредительницы решал в пользу последней. Если прежний базовый документ заведывание убежищем вверял особому совету, в котором за Сухановой не признавались особые полномочия, то по регламенту 1899 г. управление делами и хозяйством убежища всецело передавалось его учредительнице Марии Сухановой. Более того, ей предоставлялось право передавать свое звание и управление приютом другому лицу по своему усмотрению. Остальным членам совета отводилась скромная роль помощников. Отныне составление сметы и отчеты по содержанию заведения, журналы заседаний совета предоставлялись на учреждение только Сухановой. Она председательствовала на собраниях совета, принимала педагогов и служащих на работу, фактически самостоятельно распоряжалась имуществом приюта, вопросами приобретения или продажи недвижимности, она же единственная назначала время совещаний совета и определяла их повестку. Отныне городская дума не могла «влиять на правильную постановку дел убежища» и требовать от учредительницы при недостатке процентов с внесенного капитала дополнительного обеспечения убежища из ее средств.

Все это стало неприятным известием для думцев, резонно оценив-

Ориентиром для думцев или недовольных утвердить бюджет, что было открытой городской голова В. Краснянский встал на защиту гласных, деликатно отказал просительнице в ее просьбе и посоветовал ей все же рассмотреть смету на заседании совета.

Тревогу гласных вызвал, в первую очередь, вопрос обеспечения воспитанниц продовольствием. По указанной смете на эту статью расходов девочкам и прислуге выделялось 300 фунтов ржаной муки, 80 пудов пшена, 10 пудов круп, 10 пудов сала, 20 пудов говядины, 400 штук тараны и «приварочных овощей» на сумму в 30 руб. Заправлять еду предполагалось дешевым конопляным маслом.

Таким образом, в месяц на каждую девочку без учета харчевания прислуги приходилось 1330 г мяса, 660 г сала и полторы рыбы. Подобные цифры находим и в смете на 1899 г. с той только разницей, что количество пшена сокращено на 20 пудов, а увеличенным оказался лишь отпуск рыбы. Справедливым замечанием служило и то, что сиротам редко давали молоко, поскольку учредительница отказалась от его закупки, а получать ценный продукт дети могли только от двух коров, находящихся на Сухановской даче. По заключению гласных В. Бырченко и А. Овчаренко, посетивших весной 1899 г. убежище, «питание детей скудное - они редко едят приварок со свежим мясом, чаще с соляной или салом, молоко получают не всегда, на завтрак же часто дается им картофель с солеными огурцами, а в постные дни стол их, естественно, еще более скудный и менее питательный».

Замечания касались и остальных статей расхода убежища - отопления, освещения, одежды и обуви. В частности, члены совета выяснили, что дрова «преимущественно раковые, осокоревые и притом сырые», заготовлены в недостаточном количестве, и к тому же в основном они нарублены из парка убежища. Таким образом, указанная в смете 1897 года сумма 240 руб. на отопление была фиктивной.

«Дом господский, а обиход сиротский»

Безрадостное детство воспитанниц Параскеевского убежища госпожи Сухановой

Крайне недостаточным было признано и количество покупаемых мыла и свечей. Судя по всему, дети не только редко мылись, но и вынуждены были заниматься и отдыхать зимой при тусклом свете. Весьма скудные средства выделялись и на обмундирование. Например, в смету 1897 г. совершенно не вносились средства на одежду или ее ремонт; предполагалось лишь пошить девочкам самые простые башмаки по 2 руб. за пару. Но уже в 1899 г. учредительница «раскошелилась» на 50 руб. с целью покупки одежды и на такую же сумму - на ее починку. Хотя тут же в смете Суханова и указывала на то, что «полное обмундирование и вся нужная обстановка учредительницей сделаны на ее собственный счет, и расход для этой надобности не предвидится», факты свидетельствовали об обратном.

Само помещение приюта оказалось непригодным для обеспечения нормального процесса обучения. Капитальная перестройка учебного корпуса в 1898 г. не привела к улучшению планировки. «Безо всякой надобности, - жаловался Лашенков, - г-жа Суханова расширила домовую церковь, которая теперь и занимает большую половину всего здания; между тем как для классной и рабочей комнат, где дети проводят целый день, она отвела две небольшие комнаты в два окна каждая, обращенные на северо-запад, и причем разделенных третьей небольшой комнатой, отданной ею под помещенье совершенно постороннему лицу.

бывалось беспрекословное повиновение и согласие на низкооплачиваемый труд.

Негуманная педагогика

Разумеется, при описанном подходе к организации воспитания детей нечего было и говорить о нормальной постановке их образования и развития. Вопреки норме устава Суханова принимала в приют девочек в возрасте от 3 лет, что ставило ребром вопрос об организации правильного дошкольного воспитания, обеспечить которое заведение не имело никакой возможности.

Не вполне здраво было поставлено религиозное образование, осуждаемое даже протоиереем Лашенковым: «Желая воспитать в детях любовь к молитве, г-жа Суханова обременяет их продолжительными и частыми обязательными поклонами, чем может достигнуть совершенно противоположного результата. Так, кроме присутствия на богослужениях, во все воскресенья, праздничные, высокаторжественные дни, по субботам, каждый месяц 20-го числа (в который умерла ее дочь, а в Великий пост еще и на двух акафистах - во вторник и пятницу), они ежедневно на утренних и вечерних молитвах должны положить 18 земных поклонов, в том числе одних задранных и заукойных - 10. В некоторых молитвах встречаются и вставки собственных измышлений учредительницы. Самое чтение молитв бывает хором всеми 20 девоч-

ложить, что начальное обучение грамоте и математике в убежище находилось на самом низком уровне. На безответственное отношение к учебному процессу указывает и тот факт, что Суханова часто отвлекала детей от занятий в будничные дни и назначала им дополнительные выходные. Отсутствовало разделение детей на возрастные группы - дошкольники помещались в классе вместе с подростками. Впрочем, все это было еще далеко не самым большим недостатком приюта...

Нездоровая среда

Наиболее вопиющий пример экономики на детях - это преступное отношение к их здоровью. Уже на втором году существования приюта врач М. Левицкий отказался от работы в нем ввиду того, что его предписания игнорируются учредительницей, отказывавшейся оплачивать рецепты. После этого случая Суханова отказалась от услуг лекарей и принялась бороться с болезнями самостоятельно с помощью домашних средств. Доктора Остапенко и Жевержеев привлекались исключительно по инициативе отдельных членов совета и то без ведома попечительницы. По смете 1899 г. расход на медикаменты вместе с «непредвиденными расходами» составлял всего лишь 50 руб.

Отсутствие правильного медицинского контроля не могло не сказаться на состоянии здоровья подопечных Сухановой. В 1898 г. в приюте произошла вспышка кори. При

Муж Марии Сухановой оставил после себя светлую память. А жена?

представляют равно никаких прав думе», «что учредительница ничуть не озабочена улучшением положения убежища». Наконец, городские представители пришли к единодушному мнению, что «лучшей судьбой этого благотворительного учреждения была бы передача его в Ведомство учреждений Императрицы Марии на основаниях устава, каким руководствуется другой существующий в нашем городе приют для девочек, устроенный г-жой Харитоненко». Ввиду «пассивного положения», которое должны занять члены совета от думы, гласные постановили не избирать их.

Этот поворот в отношении городской власти стал фатальным для учредительницы Сухановой. В 1903 г. дума

ся ли они исключительно его субъективным взглядом на историю заведения Марии Сухановой? Не стала ли она жертвой интриги сумских думцев и лично Лашенкова, предвзято отнесшихся к инициативе вдовы почетного гражданина, что, кстати, в откровенном письме к городскому голове и утверждала госпожа учредительница?

Вся информация почерпнута из архивных источников, дающих перекрестное представление о порядках, царящих в Параскеевском убежище. К схожим негативным выводам приходили разные лица, подчас не питающие друг к другу симпатии. Например, Лашенков в описываемый период был не в почете у городской управы, которую он позволял себе резко

детская спальня перенесена теперь в отдаленный флигель, соседний с усадьбой г. Денисенко. Можно себе представить, как удобно бедным детям в осеннюю и зимнюю пору переходить через весь двор из рабочей комнаты и обратно!» То же в своем докладе думе осенью 1899 г. отмечали гласные В. Бырченко, А. Овчаренко, Н. Де-Коннор: «Помещение для призываемых в убежище детей далеко не отвечает самым скромным требованиям гигиены, световых условий и кубического содержания в них воздуха... ни одна из комнат, предназначенных для 20-ти детей и надзирательницы для занятий, принятия пищи и отдыха, не может по своим небольшим размерам заключить в себе необходимое содержание воздуха на каждого человека по 1,5 саж³... столовую заменяет кухня в подвальном этаже, не вполне светлая и крайне тесная... тогда как церковь без особенной нужды занимает чуть ли не большую половину главного дома».

Правила, установленные в приюте Сухановой, ущемляли не только положение детей, но и персонала приюта. Самым высокооплачиваемым сотрудником являлась начальница и учительница в одном лице с годовым жалованием 240 руб. против 400 руб., оговоренных в смете, т. е. заработком намного ниже уровня только приступившего к педагогической практике учителя народного училища. В 120 руб. по отдельности оценивались услуги кухарки, прачки и дворника. В дальнейшем и эти суммы показали Сухановой высокими, поэтому уже в смете 1899 г. оплата труда надзирательницы оказалась уменьшенной до 200 руб., нанятая отдельно учительница получала жалование всего в 150 руб., вдвое была сокращена оплата труда кухарки и почти наполовину - дворника. Вместо постоянной прачки приглашалась поденная, которой платили всего 12 руб. в год. При этом Суханова в отношении к прислуге и педагогам не делала различия - все это были ее подчиненные, от которых тре-

торое аюке не может быть одобрено». Религиозная чрезмерность касалась и уроков вокала: «Учитель пения обременяет детей изучением таких песнопений, какие необязательно знать и для воспитанников духовных семинарий..., для чего употребляется им такой педагогический прием: сначала он пишет песнь на классной доске, а они, 7-8-летние дети, должны слисать ее на карточках и в свободное от занятий время долбить наизусть».

Стремление привить детям благочестие контрастировало, по словам Лашенкова, с царящей в приюте деперсонализацией: «Все дети убежища не назывались в нем именами, данными каждому при крещении, а были занумерованы как вещи - первая, вторая, пятая, десятая и прочее по времени поступления их в убежище, и только с нынешнего 1898 года, когда по моему настоянию в совете заведен был впервые классный журнал, дети записывались в нем с именами и фамилиями».

В избытке убежища предлагало своим воспитанницам лишь трудовое обучение. Суханова, экономя на услугах техперсонала, переложила бремя быта на самих подопечных: «Так, помимо очень частых и притом довольно продолжительных уроков пения, исполнения работ по дому, а потом - по саду и огороду, на них и одной кухарке лежит стирка белья для всего заведения; они же прошлое лето, во время производившихся работ в подвальном этаже здания, заняты были очисткой его от мусора, щебня и земли - работы вовсе не детские и, очевидно, возлагавшиеся на детей по чисто экономическим расчетам». Очевидно, эти же соображения ложились и в основу устава приюта, предполагавшего прием заказов на различные работы, оплата которых, правда, пополняла фонд пособий для выдачи выпускникам.

Учитывая низкий образовательный ценз педагогов, смеем предпо-

ложить, что доверие по отношению к собственной сплеме почитательницы, другую - в общей детской вместе со здоровыми детьми, а третью определили в подвальный этаж. «Факт этот очевидно говорит о неравномерном отношении ее к воспитанницам; другого объяснения трудно придумать», - с возмущением отзывался об этом Лашенков. Когда, наконец, для осмотра был допущен врач Осталенко, он также обнаружил у восьми девочек и у начальницы Бочаровой трахому.

В следующем году в приюте по той же причине попустительства разразилась оспа. Воспользовавшись отсутствием Сухановой, совет отправил всех заболевших в детскую больницу св. Зинаиды, где выяснилось, что дети, помимо указанной инфекции, страдали целым букетом хронических заболеваний, «застарелых до того, что у трех девочек утолщенная селезенка достигала нижней части живота». Отправив заболевших в больницу, совет распорядился «давать чаще в пищу призываемым детям свежую говядину и молоко, на завтрак же готовить им горячий кулеш, что исполнялось затем по возвращении из Петербурга и учредительнице убежища до получения на месте известия об утверждении вновь исходотайственного ею устава».

Не удивительно, что при всех указанных неблагоприятных условиях большинство девочек, по словам гласных, «имело вид заморенных, малокровных», в среде которых заболевания «составляли обычное явление».

Закрытие приюта

Добившись согласно новому уставу признания широких полномочий, Суханова тем самым бросила вызов всей городской думе. Гласные отмечали, что новые правила «отдают убежище всецело в личное распоряжение учредительницы», «не

наконец добились расформирования приюта: совет возбудил ходатайство о закрытии убежища, а управа приступила к описи его имущества. Прошение сумчан было уважено 25 марта 1906 г., когда Николай II постановил «передать усадьбу с имуществом и капиталом Параскеевскому городскому обществу управлению на предмет устройства больницы для преимущественного пользования в ней больных и раненых воинов». По всей видимости, этот акт прекратил юридическое существование учреждения, тогда как девочки уже три года как были переведены в приют Харитоненко или же отчислены. Впрочем, существующий на этот счет пробел в документах не дает основания говорить об этом определенно.

Несмотря на то, что город добился исключения усадьбы убежища из описи Сиротского суда, Суханова по-прежнему продолжала жить в помещении приюта. Еще в 1903 г. она предложила управе выплатить денежную компенсацию за согласие закрепить усадьбу в ее собственность. Эта инициатива нашла поддержку гласных думы, постановивших в октябре 1906 г. принять условие Сухановой, «возбудить ходатайство об изменении Высочайшего повеления» и отвести для устройства больницы более подходящее место.

Но после смерти Сухановой 10 сентября 1907 г. все движимое и недвижимое имущество бывшего приюта было изъято и принято на баланс города. Тогда же при посредничестве П. Харитоненко управа приобрела и его капитал. Наконец, в следующем году в Петропавловскую и Николаевскую церкви были переданы имущество и утварь домоводной церкви. Устройство же госпитала на территории убежища все время откладывалось, пока не грянула Первая мировая война.

Послесловие

Читатель вправе усомниться в некоторых доводах автора - не являют-

«критиковать за некоторые действия в отношении благоустройства Сум. И тем не менее гласные, непосредственно ознакомившись с внутренним распорядком приюта, соглашались с его мнением: «Параскеевское убежище находится в более печальном положении, чем изображено оно бывшим членом совета протоиереем Лашенковым». Сведения о сухановском учреждении думцы также черпали и от других лиц, так или иначе связанных с приютом.

Какова же причина столь печальной организации детского воспитательного заведения? Безусловно, все, что происходило в стенах Параскеевского убежища, несло на себе отпечаток авторитарной личности самой Сухановой. Ведь о финансовой несостоятельности здесь говорить не приходится, что подтверждают капитальные средства приюта и щедрое финансирование домоводной церкви.

Следует согласиться и с мнением Лашенкова, что ответственность за бедственное положение девочек в приюте следует отнести и на счет депутатского корпуса думы, длительное время не желавшего порвать отношения с вдовой именитого сумчанина («не стеснять деятельность учредительницы, принесшей такую щедрую жертву на доброе дело») и выбиравшего из своей среды в члены совета гласных, безучастно относившихся к деятельности убежища. Есть претензия и к педагогическому начальству, которое не проверяло учебно-воспитательный процесс в заведении Сухановой.

* * *

История Параскеевского убежища наглядно свидетельствует, что любая благая инициатива, лишенная настоящей духовной основы, может оказаться губительной и остаться не оцененной как современниками, так и потомками, что, собственно, и произошло с делом Марии Сухановой...

Дмитрий Кудинов